

А. А. ЗИМИН

СМЕРДЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Составляя в 1117 г. «Поучение» своим детям, Владимир Мономах как бы подводил итоги своей неутомимой деятельности, которой была заполнена вся его трудная жизнь. Сделано было много, но удалось не все, поэтому князь завещал детям и потомкам исполнить ту программу, которую он изложил в «Поучении». Одним из самых важных своих деяний Мономах считал заботу о «худом смерде». И это не единственный раз, когда князь вспоминал смерда. Еще в речи на съезде у Долобского озера (1111 г.) Мономах осуждал своекорыстные дружины, заботившейся только о «смердых конях».¹ Вряд ли особой чувствительностью князя или христианским милосердием можно объяснить настойчивые заявления Мономаха о его «смердолюбии». Тому были вполне реальные причины, блестяще вскрытые Б. А. Романовым.²

В ходе пародных движений 60—70-х годов XI в. и восстания 1113 г. отчетливо проявился социальный кризис, который потряс древнерусское общество. Взрыв народного негодования заставил наиболее дальновидных представителей господствующего класса задуматься над положением смердов, ибо оспосовывать дальше ведение хозяйства на труде холопов, посаженных на землю, было и не рационально, да и попросту не безопасно.

Реформы Мономаха, касавшиеся смердов, шли в том же русле, что и его законодательство о закупах. Смягчение жестоких правовых норм означало по существу юридическую санкцию процесса превращения смерда из холопа, посаженного на землю, в феодально-зависимого крестьянина.

¹ ПСРЛ, т. 2, стлб. 265.

² Б. А. Романов. 1) Смердый конь и смерд. Изв. Отд. русского языка и словесности Академии наук, т. XIII, кн. 3, 1908; 2) Люди и нравы древней Руси. М.—Л., 1966.

Впрочем, эта тенденция проявлялась по-разному в различных сторонах смердьевого законодательства. Номинально смерд продолжал считаться холопом, но входил уже не в состав полных холопов (обельных), а в состав холопов в широком смысле слова.

Ст. 16 Пространной Правды гласила: «А за смердин холоп 6 гривен, а за робу 6 гривен». Чтение «смердин» находится в большинстве списков Пространной редакции.

В. П. Любимов объяснил этот текст тем, что в распоряжении составителя был «испорченный, частично измененный список» Краткой Правды, ибо составитель «в содержание самого материала по существу вносил мало изменений». Но тут же В. П. Любимов признавал, что слова «а за робу 6 гривен» внесены этим творцом протографа Пространной Правды «ради систематики».³ В нем также вместо двух предлогов «в» появился один — «за». Тогда почему же эта «систематика» не могла сказаться и на основном тексте статьи? Объясняя переписку различных вариантов ст. 16 Пространной Правды многими писцами, В. П. Любимов замечает, что «противоречия в чтениях данной статьи» согласуются «с тем положением, в котором находились смерды», когда экономическое положение все большей их части «постепенно могло подводить их к положению холопов». И вместе с тем, согласно представлениям переписчиков Русской Правды, «считалось допустимым», что смерд мог иметь холопа.⁴ Наблюдения, надо сказать, взаимоисключающие.

Но если В. П. Любимов все же как-то пытался выйти из затруднительного положения, в какое ставило защитников чтения «в смерде и в холопе» ст. 16 Пространной Правды, то другие безоговорочные сторонники этого варианта, как правило, отказывались от объяснения этой статьи. Так, Б. Д. Греков просто обошел ее молчанием. С. В. Юшков вначале писал, что чтение Троицкого списка «воспроизведено в небольшом количестве списков»,⁵ а потом говорил: «Признать чтение Троицкого списка соответствующим первоначальному тексту, основываясь только на том, что оно воспроизведено большинством списков, и не приводя других, более серьезных данных, нет достаточных оснований».⁶ В протограф Пространной Правды он вносил чтение «за смерд и холоп».⁷ Б. А. Романов чтение Пространной Правды считал «давно укоренившейся опиской».⁸ Для И. И. Смирнова

³ В. П. Любимов. Смерд и холоп. Истор. записки, т. 10, 1944, стр. 81.

⁴ Там же.

⁵ С. В. Юшков. К вопросу о смердах. Уч. зап. Гос. саратовск. ун-в., т. I, кн. 1, 1923, стр. 21.

⁶ С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 301.

⁷ С. В. Юшков. Русская Правда. М., 1950, стр. 208.

⁸ Правда Русская. Учебное пособие. М., 1940, стр. 322.

чение Троицкого и сходных списков «ошибочное», ему казалось предпочтительнее чтение Карамзинского списка.⁹

По Н. А. Максимейко, составитель Пространной Правды изменил редакцию статьи потому, что он противопоставлял смердов холопам.¹⁰ Наблюдение верное, но оно означает, что понятие «смердий холоп» имело реальный исторический смысл. Большинство сторонников этого чтения считало, что речь идет о холопе, принадлежавшем смерду. Однако сначала П. Мрочек-Дроздовский,¹¹ а затем М. Н. Тихомиров предположили, что речь идет просто о пашенном холопе (по М. Н. Тихомирову, «тот холоп, который заят в хозяйстве и выполняет работу смерда, то есть обрабатывает землю»)¹² Оставаясь в целом на точке зрения В. П. Любимова, Л. В. Черепнин также допускает и понимание «смердьяго холопа» как пашенного.¹³

Если для ст. 26 Краткой Правды чтение «смердий холоп» принять нельзя по основаниям, отмеченным еще В. П. Любимовым, то для ст. 16 Пространной Правды оно единственно возможное, а объяснение П. Мрочка-Дроздовского весьма вероятное. Появление обельных холопов — характерная черта Пространной Правды. Теперь уже часть холопов переставала считаться холопами в узком смысле слова и ее следовало как-то выделить. Отсюда и возникло наименование «смердий холоп» в отличие от обельных. Но дело даже не только в этом.

В Пространной Правде происходит унификация наименований слуг и челяди. Так, если в статьях 19—23 Краткой Правды мы встречаем огнищанина и конюха, то в ст. 12 Пространной Правды огнищного и конюшего тиунов. Так же как за конюшим тиуном скрывается конюх, так за смердьям холопом можно обнаружить смерда. Ст. 16 Пространной Правды говорит о смердьям холопе, иными словами, о смерде. Это примерно так же, как «закупным наймитом» или «челядином-наймитом» Правосудья митрополитчья, противостоящим обельному челядину, именовала закупа. Формально ст. 16 Пространной Правды продолжала приравнивать смерда к холопу.

Смердий холоп Пространной Правды не миф, не ошибка кодификатора, а реальный факт, с которым исследователь должен

⁹ И. И. Смирнов. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII вв. М.—Л., 1963, стр. 83, 103.

¹⁰ М. Максимейко. Про смердів Руської Правды. Праці комісії для вивчення історії західно-руського та українського права, вип. 3, Київ, 1927, стр. 3 и сл.

¹¹ П. П. Мрочек-Дроздовский. Исследования о Русской Правде. Чтения ОИДР, 1886, кн. I. Приложения ко II вып., стр. 213.

¹² М. Н. Тихомиров. 1) Исследования о Русской Правде. М.—Л., 1941, стр. 201; 2) Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953, стр. 81—82, 90.

¹³ Л. В. Черепнин. Формирование класса феодально-зависимого крестьянства на Руси. Истор. записки, т. 56, 1956, стр. 249.

считаться. Он появился в результате развития феодального землевладения, все более растущего применения труда смердов в хозяйстве князя и его окружения. Если юридически смерды продолжали рассматриваться как холопы, то уже в реальной жизни большая часть холопов становилась «смердыми», превращалась в смердов. Замена «смердым холопом» «смерда и холопа» подготовила ликвидацию важнейшей формы смердьевого права, сближавшей его с холопами.

Может быть, ни одна из статей Пространной Правды так широко не использовалась для доказательства тезиса о «свободе» смерда, как ст. 45 о платеже смердом «продажи». Б. И. Сыромятников в связи с ней прямо рассматривал смерда «как свободного человека, полноправного субъекта права. Смерд отвечает за свои преступления по общему праву, он платит в таких случаях князю „продажу“ и „уроки“ потерпевшему».¹⁴

Формальное прочтение статей 45 и 46 дает основание для вывода о юридической (во всяком случае) свободе смерда: холопы продажи не платят, ибо они не свободные, смерды продажу платят, значит, они свободны.

Но уже Н. Ф. Лавров обратил внимание на союз «оже», с которым связана уплата смердами продажи. Исходя из тезиса Б. Д. Грекова о наличии двух категорий смердов (свободных и зависимых), он пришел к выводу, что «уроки» взыскиваются со смердов-воров в том случае, если («оже») они свободны, а если они не свободны, то на них распространяются нормы ст. 46 о холопах.¹⁵ «Стало быть, — делал заключение Б. Д. Греков, — не все смерды платят продажу, т. е. отвечают за себя, а только свободные. Зависимые смерды отсюда исключаются».¹⁶

Трактовка Н. Ф. Лавровым — Б. Д. Грековым союза «оже» из ст. 45 вызвала критические замечания С. А. Покровского, который перевел «оже» как «потому что».¹⁷ Тогда смысл ст. 45 резко изменился: смерды платят уроки, потому что они платят продажу.¹⁸ Но в Русской Правде союз «оже» употребляется многократно и всегда в значении «если, когда» и ни разу в значении «потому что».

И. И. Смирнов считал, что формула «оже», содержащаяся в большом числе статей, не означает «наличия двух альтернативных субъектов какого-либо действия, а всегда означает лишь

¹⁴ Б. И. Сыромятников. О смерде Древней Руси. Уч. зап. МГУ. Вып. 116. 1946, стр. 33.

¹⁵ Правда Русская, т. II. М.—Л., 1947, стр. 403. Этот вывод принят был Б. Д. Грековым (Киевская Русь. М.—Л., 1944, стр. 130) и Б. А. Романовым (Правда Русская. Учебное пособие, стр. 77—78).

¹⁶ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. I. М., 1952, стр. 197.

¹⁷ См.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1895, стлб. 628.

¹⁸ С. А. Покровский. О наследственном праве древнерусского смерда. Советское государство и право, 1946, № 3—4, стр. 65.

установление момента совершения данным одним субъектом определенного акта».¹⁹ Нам представляется это наблюдение глубоко верным. Но вытекающих из него выводов И. И. Смирнов не сделал. В самом деле, если бывали случаи, когда смерд платил продажу, то бывали случаи, когда он этого штрафа и не платил. Значит, в каких-то случаях смерд рассматривался как холоп. Заметим и еще одно странное обстоятельство. Статья имеет в виду «уроки», т. е. возмещение ущерба потерпевшему («то ти уроци смердом»), но называет их «продажей».²⁰ Однако «продажа» как государственный штраф, платившийся за кражу скота, помещен в ст. 41 Пространной Правды («Аже крадет кто скот... платити ему 3 гривей и 30 куп»), а за копя — в ст. 34 («Аже кто конь погубить... за обиду платити ему 3 гривны»). То, что ст. 45 имела в виду именно урок как возмещение потерпевшему, видно из сопоставления ее со ст. 44: в ст. 44 утверждается принцип возврата «погубленного» скота («оже будет лице, лицо поиметь»), а ст. 45 устанавливала компенсацию за него, если палицо его не будет («паки ли лица не будет»)²¹.

Скорее всего ст. 45 (как и соответствующая ей статья 28 Краткой Правды) говорит не о краже смердом коня, коровы и т. п., а о «погублении» (ст. 44 Пространной Правды — «А у него же погибло») господского коня, находившегося в пользовании у смерда. О подобном же случае говорила и ст. 57, которая имела в виду случаи компенсации закупом, «погубившим» скот, ущерб, причиненного господину. В случае же кражи скота закуп становился полным холопом. Но отсюда следует, что «продажи» закуп, как холоп, не платил. Тогда, очевидно, и смерд «продажей» (в смысле государственного штрафа) не карался, а уплачивал «продажу» князю как «урок» в случае «погубления» им княжеского скота. В этом смысле и надо понимать выражение «оже платятъ князю продажу», т. е. бывали случаи (при краже, а не при «погублении» скота), когда смерд «продажи» не платил,

¹⁹ И. И. Смирнов. Очерки, стр. 65.

²⁰ Л. В. Черешин раскрывает содержание понятия «урок» как нормы штрафа, уплачиваемого смердами за кражу скота (Формирование, стр. 249). Но в Русской Правде «урок» — это вознаграждение потерпевшему, а не норма «продажи». Е. Д. Романова считает, что ст. 45 «устанавливает уроки, обязательные... для каждого свободного человека» (Свободный общинник в «Русской Правде». История СССР, 1961, № 4, стр. 86). Однако в ст. 45 говорится прямо: «то ти уроци смердом». Установленные по ст. 45 непосредственно для смердов нормы уроков лишь со временем приобретали юридическое значение и для других лиц, покушавшихся на феодальную собственность.

²¹ М. Н. Тихомиров слова «паки ли лица не будетъ» относит к ст. 44, считая, что по полугривне за лето платилось лишь в том случае, если «погибший» объект не был обнаружен (Пособие, стр. 95). Это без необходимости усложняет понимание статей 44—45 и противоречит конституциям статей с «паки» (ср. ст. 53 — «паки ли возмет... то»; ст. 60 — «паки ли принимать... то»; ст. 94 — «паки ли без ряду... то»).

а становился полным холопом (как закуп по ст. 64 Пространной Правды).

Но если были случаи, когда смерд «продажи» не платил, то он по своему правовому положению — холоп (в широком смысле слова), ибо «продажу» не взыскивали только с холопов. Заметим следующее обстоятельство. В паре взаимосвязанных статей 45—46 последние говорит о случае, когда холопы — «тати». Речь идет, конечно, о холопах в широком смысле слова: ведь о краже коней обелными холопами говорит специальная статья 63 («Аже холоп обелный выведеть конь чий любо, то платити за нь 2 гривны»). Если же так, то ст. 46 относилась и к смердам. Следовательно, ст. 45 не могла иметь в виду случаи, когда смерд являлся татем. Подчеркивая, что в ст. 46 говорится о холопах-татах, законодатель тем самым оттенял, что ст. 45 касается случая, когда смерд не был татем, т. е. когда он «губил» скот господина (как закуп) во время работы на себя или господина. Эта разница между казусами в статьях 44—45 и 46 видна и на смене терминов: в первом случае говорится «погибло», во втором — «тати». В статьях 41—43, где говорится о краже, употреблен глагол «крадеть», а в ст. 57 о закупе, который «губил», а не крал господского копя, так и сказано «погубить», т. е. сходно со ст. 44.

Ст. 45 в Пространную Правду попала из Правды Ярославичей 1072 г., одним из источников которой был княжеский устав Ярославичей. Поэтому в ст. 45 мы и находим следы понимания «продажи» как штрафа за нарушение права княжеской собственности в пределах княжеской вотчины. По княжескому уставу «продажа» («за обиду») платилась сверх стоимости «погубленной» вещи. В ст. 45 ею по ошибке назван «урок», т. е. сама эта стоимость. Такой разницей в терминологии, конечно, мог возникнуть только под пером позднейшего кодификатора времени Мономаха.

Итак, слова «оже платятъ князю продажу» носят вставочный характер (их нет в ст. 28 Краткой Правды, и они начинаются предложением «оже», характерным для вставок²²). Эта приписка соотносится с аналогичным текстом из ст. 46 («их же князь продажею не казнить, зане суть несвободни»). Но и он носит характер позднейшей приписки (в основном тексте ст. 46 просто говорится об уплате «обиды»). Появление обеих приписок связано, очевидно, с кодификаторской деятельностью Мономаха, который стремился точно определить правовой статус холопа (см. ст. 89), отграничив его от правовых норм, касающихся свободных. И вместе с тем упоминание о «продаже» в связи со смердом параллельно статьям Мономаха о закупах, где продажа упомина-

²² Е. Д. Романова пишет, что «первоначально смерды вообще не платили продаж, и лишь постепенно некоторые из них ... начали подвергаться и общим наказаниям» (Свободный общинник, стр. 85). Тенденция развития смердского права здесь уловлена верно. Но ни о каких «некоторых» смердах (в духе Н. Ф. Лаврова) мы бы не говорили.

лась неоднократно. Противопоставление смерда холопу в статьях 45—46, хотя и не полностью, но все же вырывало смерда из состава невольной челяди, приближало его к положению свободного. При этом следы представления о смерде как о холопе (в широком смысле слова) в ст. 45 сохранились. Ведь при краже скота смерды, как и холопы, «продажи» не платили.

Оговариваясь, что холопы «суть не свободни», законодатель в подобном случае для смердов, как плательщиков «продажи», не упомянул, что они «суть свободны», хотя, казалось, такую ремарку он сделать должен был бы, противопоставляя их холопам. Значит, смерд в его глазах не был свободным, равно как и платившая им «продажа» не совпадала с общегосударственным штрафом, платившимся свободными людьми.

Термин «урок» в законодательстве Мономаха приобретает значение компенсации за ущерб, платившийся хозяином холопа (статьи 46, 120) или хозяину объекта хищения или истребления (статьи 45, 84). Появление этого термина связано с трансформацией старого штрафа «за обиду» в общегосударственную «продажу».

Наконец, последнее. «Смердый конь» ст. 28 Краткой Правды в ст. 45 превратился в коня «ипех». И. И. Смирнов считает, что под этим местонаименованием скрываются кони боярские и монастырские, раз в ст. 46 паряду с холопами князей упомянуты «боярстии любо чернечь».²³ Но ст. 45 говорит об объекте правонарушения, а ст. 46 — о самом нарушителе права. Это, конечно, вещи разные. К тому же в ст. 45 речь идет о «погублении» скота, а в ст. 46 — о его краже. Замечая «смердьего» коня конем «ипех», составитель ст. 45 просто исходил из практики, сложившейся в его время. Постепенно конь, дававшийся князем смерду во временное пользование, становился как бы его владением. Средства производства закреплялись все прочнее за смердом, а он тем самым все более превращался в феодально-зависимого крестьянина. Следы же «господского» происхождения смердьего коня сохранились еще в факте ответственности за его погубление.

Противоречивость законодательства Мономаха о смердах сказалась и в ст. 78 Пространной Правды. В отличие от ст. 33 Краткой Правды теперь получал за «муку» и сам смерд (гривну). Пусть этот «урок» был ниже, чем тот, который в аналогичных случаях получал свободный, но все же законодатель подчеркивал, что смерд является лицом, обладающим какими-то правами личной неприкосновенности. В ст. 78 Пространной Правды речь идет о смердах вообще, а не о княжеских смердах, которых имела в виду ст. 33 Краткой Правды. Распирилась сфера применения труда смердов, которые теперь использовались и в хозяйстве дружинников-бояр.²⁴ Если ранее за «муку» смерда взыскивалось

²³ И. И. Смирнов. Очерки, стр. 113.

²⁴ Формула «без княжа слова» в ст. 33 Краткой Правды имела в виду князя как владельца смердов. Иное дело ст. 78 Пространной Правды, где

3 гривны в пользу его владельца (в конкретном случае ст. 33 — князя), то теперь эти же 3 гривны стали государственным штрафом, «продажей», шедшей в княжескую казну. В этом случае даже отчетливее, чем в ст. 46, смерд начинал рассматриваться как лицо, к которому можно было применять нормы права, относившиеся к свободному человеку. Таковы были конкретные результаты «смердофильской» политики Мономаха, означавшей законодательное закрепление сдвигов в экономическом положении тех групп холопов, посаженных на землю, которые фактически уже стали феодально-зависимыми крестьянами.

Впрочем, следы «холопей» природы смерда в ст. 78 Пространной Правды еще чувствуются. Штраф в четыре гривны (три — «продажа», одна — самому смерду) встречается в позднейшем законодательстве именно как штраф за «муку» холопов. Так, в договоре 1189—1199 гг. Новгорода с Готским берегом тот, кто насиловал рабу, платил «за обиду» гривну новых кун, что соответствовало четырем гривнам «ветхих» кун.²⁵ По ст. 1 договора Смоленска с Ригой 1229 г. за избивание холопа платилась гривна куп.²⁶

Но главное, что отличало смерда от свободного по ст. 78 Пространной Правды, — это ограничение сферы ее действия только случаем, когда смерд мучил смерда («Аже смерд мучит смерда»). В других случаях смерд подлежал холопским нормам, т. е. его личная безопасность ничем не гарантировалась. Опыт народных движений 60-х—начала 70-х годов XI в. показал правительству, что смерды ссылались на нормы ст. 33 Краткой Правды, запрещающие кому-либо (в том числе и княжеским чиновникам) мучить их без «княжа слова». Это, конечно, суживало полномочия представителей княжеской власти на местах и в годы народных движений, и в повседневной жизни. Теперь же княжеская власть и ее аппарат приобретали больше возможностей держать смердов в повиновении. Это сказалось и на второй половине ст. 78. Если в ст. 33 Краткой Правды говорилось о мучении огнищанина вообще, то теперь речь шла о том штрафе, который взимался, если огнищанин мучил смерд («аще смерд мучит смерда... аже огнищанин мучит»). Покушения на представителей княжеской власти карались по всей строгости феодального закона. Таковы черты двойственности в законодательстве Мономаха о «мучении» смерда. Уступки смердам сочетались в нем со стремлением упредить над ними власть феодального государ-

князь выступает как носитель общегосударственной власти. Е. Д. Романова, считающая, что и в ст. 78 «речь идет об особом суде княжеского огнища» (Свободный общинник, стр. 84), на наш взгляд, заблуждается.

²⁵ ГВНИП, № 29, стр. 56. То же и в договоре Смоленска с Ригой 1229 г. (ПРП, вып. 2, стр. 62).

²⁶ ПРП, вып. 2, стр. 59.

ства, не допустить возможности повторения новых пародных возмущений.

Для понимания существа законодательства Мономаха о смердах, может быть, важнейшее значение имеет ст. 90 о «заднице» смерда. В Пространной Правде вопросам наследования посвящен особый раздел (статьи 90—95, 98—106, 108). Статьи 90—91 относятся к княжеским людям: боярам и смердам (как ст. 78 к смерду и огнищанину). Центральными фигурами остальных статей являются «муж» и «жена» вообще. О смерде там ни слова. Разбирая весь цикл статей о наследстве, И. И. Смирнов сделал верное предположение о том, что статьи 90—91 отразили новые явления в наследственном праве, а остальные связали с правом наследования, восходящим к седой старине. Так, «робьи» дети ст. 98 и «от челяди плод» дали И. И. Смирнову основание для вывода о том, что в Пространной Правде отразилось «право мужей — владельцев челяди, иными словами, право социальной знати периода складывающегося феодального строя, т. е. именно того периода, который отражен в Древнейшей Правде, где, как сказано, „муж“ и „челядь“ являются определяющими элементами социальной структуры».²⁷ Добавим, что в разделе о наследстве отсутствуют штрафы, шедшие в пользу княжеской казны.²⁸ Это также свидетельствует об архаичности основного ядра статей о наследстве. Если хронологические рамки отраженного в статьях 92—95, 98 и др. права выявлены И. И. Смирновым верно, то его социальную принадлежность можно рассматривать иначе: это, конечно, право не знати, а рядовой массы населения. Поэтому здесь наследуют «ближнии» (ст. 99), которые соответствуют «ближним» ст. 4 договора 911 г., ст. 13 договора 944 г. или «малым ближикам» ст. 13 договора 911 г.

Чтобы понять статьи 90—91, нужно сформулировать хотя бы в общих чертах основные нормы наследственного права свободного человека по Русской Правде. Ст. 95 гласила: «Аже будет сестра в дому, то той заднице не имати». Итак, сестра — не наследница. Судя по формулировке, дочь при отсутствии братьев сохраняет право на имущество родителей (иначе бы говорилось «дочь», а не «сестра» не «имает» задницу). Но это уже нововведение, соответствующее ст. 91, где в случае смерти боярина или дружинника «оже не будет сынов, а дочери возмутъ». (Поэтому в заголовке ст. 91 по спискам Карамзинской группы и в некоторых текстах Пушкинской группы вместо слова «дружьней» находим «О заднице боярстей и о людстей»). Право наследования дочерей — явление позднее, порожденное развитием частной соб-

²⁷ И. И. Смирнов. Очерки, стр. 72.

²⁸ Ст. 108 помещена среди статей о «судебных уроках» и сохранилась в позднейшей редакции. Этим и объясняется упоминание в ней о гривне детскому.

ственности, особенно поземельной. Первоначально дочь не наследовала (так и звучала ст. 95), а имущество умершего шло «ближним», т. е. родичам общины. Исключение дочерей из числа наследников, как правильно писал С. А. Покровский, «является пережитком родового строя», хорошо известным варварским правам.²⁹ Так, у салических франков «женщины исключены из прав наследования земель, по-видимому, из опасения перехода части земельного участка в обладание другого домохозяйства после выхода женщины замуж».³⁰ По ст. 99 Пространной Правды «ближнии» являются опекунами малолетних детей после смерти их отца, если их мать выйдет вторично замуж.

Имущество после смерти свободного человека, не имевшего детей, наследовали «ближние в роду» (ср. даже в позднейшее время по ст. 60 Судебника 1497 г.).

Теперь переходим к ст. 90. Приведем ее текст: «Аже умереть смерд. Аже смерд умереть, то задница князю; аже будуть дщери у него дома, то даяти часть на не; аже будуть за мужемь, то не даяти части им». В статье первая часть противоречит второй: согласно первой части после смерда наследует князь (безотносительно к наличию у смерда детей), по смыслу второй наследниками смерда являются его сыновья (а дочери получают выдел «часть»).

В ряде списков Русской Правды текст статьи имеет существенные отличия. Так, в Пушкинском виде Пушкинской группы (сохранился в одном списке) начало статьи иное: «О смердах. Аще смерд умрет безажю»; в Троицком и Оболенско-Карамзинском видах Карамзинской группы статья начинается словами: «О смерды заднице. Оже смерд умереть без дети». Наконец, в Музейном виде той же группы начало статьи сформулировано следующим образом: «О смердии състатке. Иже смерд умереть без дети, то статок его князю».

Отождествляя «задницу» со «сстатком», А. Е. Пресняков рассматривал их как термины, обозначающие движимое имущество.³¹ («Остановок», «остатък» употреблялись как альтернативные в ст. 7 договора Смоленска с Ригой 1229 г.).³² «Статок», действительно, движимое имущество: в ст. 60 Судебника 1497 г. упоминаются «статок весь и земли». Сходно рассматривается «статок» и под 1190 г. в Ипатьевской летописи («двор заурьша и статок его весь поимаша»).³³ Но в Судебнике говорится, что «статок» и земли

²⁹ С. Покровский. О наследственном праве, стр. 60.

³⁰ А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956, стр. 12.

³¹ А. Е. Пресняков. Княжое право древней Руси. СПб., 1909, стр. 269, 285.

³² ИРЛ, вып. 2, стр. 60—61.

³³ ИСРЛ, т. 2, стлб. 669.

шли дочери, что соответствовало нормам Русской Правды. Значит, «задница» — это «сстаток» и земли, а трактовка «задницы» только как «сстатка» — позднейшее осмысление текста ст. 90.³⁴ Итак, «задница» — все имущество, как движимое, так и недвижимое. В нее входили и тот «двор отень», о порядке наследования которым говорит ст. 100.

Теперь перейдем к рассмотрению глоссы «без детей».³⁵

П. Цитович, В. И. Сергеевич и М. А. Дьяконов³⁶ понимали ее в буквальном смысле: они считали, что статья имела в виду случай, когда у смерда вообще не было детей. Но тогда получалось, что статья предполагала наследие не только сыновей, но, как ст. 91, и дочерей. А это делает статью бессмысленной. Ведь, согласно второй половине ст. 90, дочери наследовали не «задницей», а «частью», которая была не долей в наследстве, но всего лишь выделом.³⁷

Чтобы согласовать первую часть ст. 90 со второй, подавляющее большинство исследователей понимает выражение «без детей» как «без сыновей».³⁸ Г. Е. Кочин прямо считает, что эти слова были в протографе Русской Правды.³⁹ Но Карамзинская группа дает текст явно более поздний, чем Синодально-Троицкая. Поэтому скорее всего мы имеем дело просто с позднейшей (и не вполне удачной) попыткой согласовать две части ст. 90, а не с ранним вариантом текста.

Нам представляется более правильным читать статью так, как она сохранилась в Синодально-Троицкой группе. Тогда первая ее часть будет звучать примерно следующим образом: «если смерд умрет, то его наследство идет князю» (безотпосительно, есть ли у него дети).⁴⁰

³⁴ См. также: И. И. Смирнов. Очерки, стр. 76—79.

³⁵ Слово «безажю» в источниках не встречается. Его смысл не вполне понятен. Обычно его производит от «безадычина» — «без заду» (см.: И. И. Срезневский. Материалы, т. I, слб. 47) со значением «отсутствие наследника» (П. М. Мрочек-Дроздовский. Материалы для словаря. Чтения ОИДР, 1917, кн. III, стр. 4).

³⁶ П. Цитович. Исходные моменты в истории русского права наследования. Харьков, 1870, стр. 43—44; В. И. Сергеевич. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1910, стр. 557; М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. М.—Л., 1925, стр. 94.

³⁷ В. И. Сергеевич, П. Цитович и М. А. Дьяконов считали, что «часть» — это доля в наследстве. Однако еще А. Е. Пресняков установил, что «часть» — это выдел (Княжое право, стр. 464). Действительно, «часть» по Русской Правде резко отграничена от «задницы»: «На ню часть дати... а задница ей мужья не надобе» (ст. 93); «Аже будеть сестра... заднице не имати» (ст. 95).

³⁸ М. Н. Тихомиров. Пособие, стр. 106; В. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. I, стр. 204; С. Покровский. О наследственном праве, стр. 58; С. В. Юшков. Общественно-политический строй, стр. 465.

³⁹ Правда Русская. Учебное пособие, стр. 80.

⁴⁰ Ср.: М. Максимова. Про смердів, стр. 10—14.

Несоответствие первой половины ст. 90 второй надо объяснить несовершенством кодификационной работы законодателя, приписавшего вторую часть статьи, недостаточно согласовав ее с первой.

Итак, первая половина ст. 90 устанавливала полное право распоряжения князя (как владельца смерда, а не как главы государства⁴¹). С. А. Покровский справедливо критиковал Н. П. Павлова-Сильванского, Б. Д. Грекова и других исследователей, считавших, что право князя на наследие смерда, умершего без сыновей, можно отождествить с «правом мертвой руки».⁴² Однако первая половина ст. 90 говорила о том, что смерд вообще не мог иметь наследников своего имущества. Вот это-то положение и есть «право мертвой руки». Отсюда вытекает ряд важных выводов. Прежде всего если имуществом смерда (близким «отарице» закупа) распоряжается его хозяин (князь), то перед нами не только не свободный общинник, но и не вполне феодально-зависимый крестьянин: его правовое положение напоминает холопа, посаженного на пекулий. Хозяином средств производства является еще не смерд, а его господин.

Это предположение подтверждается и анализом статьи о «смердьевом коне». Ведь если конь давался смерду князем, да и землю смерд получал от него же (так же как отарицу закуп), то совершенно естественно, что именно князь и должен был распоряжаться наследием умершего смерда. Конечно, на практике князю-землевладельцу вряд ли приходилось обирать землю и скот у сына смерда, способного продолжать хозяйство и нести повинности. Но закон оставался законом.

Ст. 90 Пространной Правды в своей основе доменального происхождения: она помещена после статей 67—84, которые восходят к княжескому уставу (статьи 85—89 о послушестве и суде явно разрывают единый комплекс статей). Помещена статья непосредственно после статьи о холопе (ст. 89), что как бы еще раз подчеркивало близость этих двух категорий населения.

Таково было имущественное положение смерда до реформы Мономаха. Основное нововведение в наследственном праве смердов сводилось к признанию того, что в случае смерти смерда его наследство («задница») должно переходить только к его сыновьям, а дочери получают выдел (таков смысл второй части ст. 90).

⁴¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. I, стр. 204. По И. И. Смирнову и С. А. Покровскому (развивавшим мнение С. М. Соловьева и Н. Дювернуа), право князя на наследство смерда выросло из старинного права общины на имущество своего сочлена. Взгляд И. И. Смирнова на смердов ст. 90, как на общинников (Очерки, стр. 79), находится в резком противоречии и со ст. 60 позднейшей Судебника 1497 г. (согласно которой выморочное имущество свободного человека идет «ближним», а не в казну), да и с другими статьями Русской Правды, говорящими о наследии общинников, а не смерда.

⁴² С. Покровский. О наследственном праве, стр. 56—63.

Это нововведение имело далеко идущее значение. Фактически оно означало, что смерд отныне прикреплялся к земле, получал во владение средства производства, т. е. становился феодально-зависимым крестьянином. Практика, слагавшаяся на протяжении XI в., санкционировалась теперь законодательством. Тем самым смерд приобретал гораздо большую заинтересованность в труде, чем это было ранее.

В отличие от порядка наследования бояр и дружинников (а также каждого свободного человека) дочь смерда не могла наследовать имущество своего отца (даже когда у нее не было братьев). Это имело реальное объяснение: «ведь дочери смерда не могут продолжать трудовой эксплуатации земельного участка отца».⁴³

Мы подошли к концу разбора законодательства Владимира Мономаха о смердах. Номинально смерды в это время еще включались в состав челяди — холопов в широком смысле слова. Но фактически они образовали уже совсем другую группу населения древнерусского общества. Когда исследователи считали смердов свободными общинниками, лишь постепенно втягивавшимися в орбиту феодальной эксплуатации, то они сталкивались с необъяснимым феноменом: положение смерда, по Пространной Правде, не ухудшалось (как этого следовало бы ожидать), а имело тенденцию к некоторому улучшению. Для того, кто считал, что смерд первоначально был холопом, посаженным на землю, эта тенденция будет легко объяснима: она вытекает из самого существа процесса превращения смердов в феодально-зависимых крестьян.

Итак, когда Владимир Мономах писал, что он не дал сильным мира сего обидеть беднягу-смерда и убогую вдовицу,⁴⁴ то он имел для этого реальные основания. Его законодательство о наследии смерда (и вдовицы — см. статьи 103, 106 Пространной Правды) имело в виду несколько ограничивать самоуправство «сильных людей». Эти мероприятия, вызванные непосредственно ростом недовольства смердов и их волнениями, отвечали неумолимому ходу социально-экономического развития древнерусского общества. Процесс феодализации страны постепенно все углублялся.

⁴³ С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939, стр. 696.

⁴⁴ ПСРЛ, т. I, стлб. 251; «вдовицу оправдате сами, а не вдавайте сильным погубити человека» (там же, стлб. 275).